

*70-летию
филологического
факультета посвящается*

ВЕТВИ

Студенческий
литературно-
публицистический

АЛЬМАНАХ

Выпуск I

Тамбов 2000

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ТАМБОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Г.Р.ДЕРЖАВИНА

ВЕТВИ

Студенческий
литературно-публицистический
альманах

Выпуск I

Тамбов 2000

Составители:

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка
ТГУ им. Г.Р.Державина А . С . Щ е р б а к ;
студент 5-го курса филологического факультета ТГУ
Сергей Левин.

Научный редактор:

студент 4-го курса отделения журналистики
филологического факультета ТГУ Алексей Ишин.

Рецензент:

кандидат филологических наук А . М . Ш е с т е р и н а .

Ветви: Студенческий литературно-публицистический
альманах. Выпуск I. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина,
2000. 68 с.

ББК 84-4

© Тамбовский государственный университет имени Г.Р.Державина, 2000

От составителя

Это первый номер студенческого литературно-публицистического сборника, который должен стать своеобразным лицом филологического факультета. Радостно оттого, что наш университет наконец-то смог позволить выпуск своего молодежного литературного издания, дать студентам возможность проявить себя, выходя за будничные страницы периодики на более широкий формат.

И сейчас перед вами, уважаемые читатели, плод работы наших авторов, творцов самых разных жанров, поэтому произведения, вошедшие в данный сборник, так разнообразны.

Вы встретите здесь и абсурдно-нелогичное, экстремально-веселое творчество «Общества Зрелища», и таинственно-символичные рассказы Александра Коробкова, и яркие, образные стихи Елены Владимировой, и оригинальную лирическую прозу Елены Зайцевой, и интеллектуальные творения Антона Лапина, и красивые, глубокие стихотворения Ольги Ловилиной, и многое, многое другое...

Студенты, наверное, никогда не устанут экспериментировать: Алексей Шепелёв в своих небольших по объему стихах переворачивает сложившееся у большинства читателей, привыкших к традиционной поэзии, понятие о форме и рифме, «Общество Зрелища» создает ирреальную драму, напоминающую мини-пьесы Даниила Хармса, Елена Луканкина стилизирует стихотворение под старинную обрядовую песню-причтание, Александр Коробков пишет тексты, близкие к мало изученному пока жанру «ассоциативной прозы».

Разнообразие выбранных жанров так широко и потому, что многие студенты прошли «школу» С.Е. Бирюкова, который помог молодым авторам заглянуть за предел привычного мировосприятия с помощью литературной студии АЗ (Статью Е. Владимировой о ней читайте в разделе «Публицистика»).

Наверное, не случайно и то печальное обстоятельно, что большинство авторов данного сборника являются студентами 5-го курса, т.е. выпускниками. В 2000-ом году они покинут стены родного университета, разойдутся каждый по своему пути, но навсегда останутся рядом на страницах этого издания, которое станет своеобразным итогом пятилетнего существования ТГУ им. Г.Р. Державина и творческой деятельности его студентов.

Сергей Лёвин

ПОЭЗИЯ

ОБРЕТЕНИЕ ЧЕРЕЗ ПРЕОДОЛЕНИЕ

В стихах молодых поэтов-студентов Тамбовского университета я ощущаю напор жизни, рвущейся наружу. Это «новый росток», разрывающий плоть, как в «Сновидениях» Елены Владимировой, выходит – выходит – выходит на свет. Это живое.

А все живое **обречено** на обретение себя, но через преодоление. Это преодоление (и вбирание) предшествующего опыта, в том числе и собственного, это поток такого слова, которое потенциально может стать слепком множественности устремлений.

Поэт идет не прямым путем. Путь состоит из изгибов и уклонений. Давно наблюдая за тем, что делают в поэтическом пространстве Е. Владимирова, С. Лёвин, А. Шепелёв, О. Ловилина, А. Лапин, Е. Зайцева, я отмечаю сейчас, что каждый из них, сохраняя присущие ему черты, изменяется, движется.

Я впервые познакомился со стихами М. Казанок, Е. Луканкиной, И. Сайгановой. Интересно, как они будут двигаться дальше...

Поэт сбывается, свершается не только в сотрудничестве со словом, но и в борьбе с ним.

В современной русской поэзии идут сложные, многоуровневые процессы. Мне кажется важным и знаменательным, что молодые тамбовские авторы находятся в самом центре этих процессов. И тень «старика Державина», имя которого носит университет, благославляет их на поиск.

Сергей Бирюков,

*кандидат филологических наук,
председатель Академии Зауми,
член Союза российских писателей и Союза
профессиональных литераторов России.*

Тамбов, 27 декабря 1999 года.

А. Шепелёв

те цветы
не цветы
т.н. кресты

их поливали
всеми жидкостями
их посыпали
всеми лакомостями

они стеной
встали и
машут лопастями

1997

квартирант квартирой обезображеный
сидел и смотрел в одну точку
в аккурат на хозяйствскую дочку
в засохшую замочную скважину

тот хватал
то хохотал
'от баxвал
б!

допускаю тантру
в суицид верю
сунуться в двери
каюсь там труп

27 марта 1997

я жду тебя на ж.д.
целых 18 лет непрерывных вагонов
а ты через рельсы стоишь как дома
я жду тебя на ж.д.
но кто из-под колес с трудом а
?

1996

У тебя на окне лук-бут в феврале.
И сухая земля, где дождя не ждут, в стекле.
Кучи сена, даже тучи.
Даже гроза, а после грязь и роса...

1997

черные кошки
белые цветы
сколько можно
называй на ты

1996

КРЕЩЕНИЕ РОДИНЫ

(эпос)

в воде
сидел

нигде

видел
природу

видел
породу

выдал-то
урода

толпы
народа

не зная
броду

по браду
топли

и я а

в пруду

дули в ду-
ду в аду

1997

ХОЧУ.
ХОККУ

фонарь
скрыл свой глаз
и пора
выходить на улицу
и творить всяческое
неприличие

1999

намного солнце лучше
по ту сторону земли
а тут колючие тучи
по дороге легли

со скоростью двести
вытянув волосы
ты стояла на месте
встретив встречные полосы

август 1996

Е.В.А.

Обманет уют-предатель,
Дорога домой легка.
Раскольничья Богоматерь
Взглянула из-под платка.

Ты станешь ее глазами,
Заблудишься средь полей.
Ты встретишь ее слезами
Вернувшихся журавлей.

Ты станешь дождями плакать,
Смеяться весенным днем.
Устанешь – уйдешь. Но слякоть
В душе – колодезным дном.

Она умолять не станет,
Но все-таки ждет. Беги!
Как милость проси: устами
Коснуться ее ноги,

Коснуться земли... И скатерь
Полей расстилает, ткет,
Раскольничья Богоматерь
Тебя поведет вперед.

Твой лик для меня, как икона,
Любой небылице я внемлю.
Да только с границы оконной
Гляжу не на небо – на землю.

Открыто тобой, не ветрами,
Окно. Жизнь, листая страницы,
Меня иль одарит крылами,
Иль мною прорежет границы.

Рассынется древняя книга.
Страницы, в окно вылетая,
Разделят непознанность мига
Полета от ада до рая.

Остались непознаны дали
В застывших очах небосклона.
Молю утоленья печали,
Твой лик для меня –
как икона.

ЗАВЕЩАНИЕ

От дождя укроюсь дырявым зонтом,
Каждая дождинка – слезой отрадной.
Так умру счастливым Анакреонтом,
Подавившимся косточкой виноградной.

Мне глаза закроешь своей рукою:
Небо заслонили мне веки-тучи.
Дождь пройдет над городом полосою.
Пусть один он плачет, так будет лучше.

От него укройся дырявым зонтом,
Поцелуй пришлю я слезой отрадной.
Остаюсь счастливым Анакреонтом,
Подавившимся косточкой виноградной.

СНОВИДЕНИЯ

-1-

боль под лопатками. новый росток
плоть разорвал, полнокровный и сочный.
хлопнет окно, загремит водосток.
он, как обычно, появится ночью.

снова на коже – глубокий разрыв.
и, закусив воспаленные губы,
о кровоточащих ранах забыв,
вновь издеваться над вымыслом грубым.

это позволено. ведь за спиной –
два, изогнувшихся лироподобно.
так повторяется каждую ночь.
я умираю от боли утробной,

я задыхаюсь от крика. и страх
пульс заглушит. напряженье – разрядка.
крепнет сознание силы в плечах.
я же – созданье иного порядка.

ночью – раскрытое настежь окно,
словно залог благотворного роста.
утром – взлететь бы окрепшему, но
только рубцы за отгнившей коростой.

-2-

побелевшие пальцы вцепились в перила.
под ногами луна
покачалась немного и снова застыла.
но какая вина

заставляет, как маятник, неумолимо
приближаться карниз?
я боюсь, если глухо, боюсь, если мимо.
нужно – вверх или вниз?

и луну надо мной, и луну под ногами
отражает окно.
оторвись и лети, окруженный лучами.
а куда – все равно.

и, злорадно оскалясь, летучие мыши
все летят и летят.
я боюсь, если глубже, боюсь, если выше,
но страшнее – назад.

стоит быть посмелее, скорей отцепиться –
опрокинется мир.
только все же двоится, двоится, двоится
желтый ориентир.

-3-

страх просыпается ежечасно.
время другое на высоте.
Богом быть трудно, даже опасно,
если масштабы выбрал не те.

четкие судьбы древних империй,
смутные роли новых времен.
я же в секундах эры измерю,
если сегодня не утомлен.

нижестоящих – быстрая смена,
вышестоящих – незыблемый ряд.
Богом быть трудно. в этом, наверно,
я, недоросший, не виноват.

демон гордыни снова воскрес ли?
чем заслужили – с небом на «ты»?
я не смогу Богом быть, если
ноги немеют от высоты.

-4-

яблоки падают мимо,
как и положено, вниз.
кажется неуловимым
жизни короткой эскиз.

ссадины прячут ладони
и перебито крыло.
сверженный – не посторонний.
просто тебе не везло.

верными были движенья,
неукрощенно – злость.
 преодолеть притяженья
смертному не удалось.

ты же, знакомый и странный,
пробуй, твори, умножай.
время залечивать раны
и собирать урожай,

это небесная кара –
отдых искать в ремесле.
много потомков Икара,
видно, на этой земле.

в моих
снах
хребты
гор
стоят,
радуя.

а я
на
подъем
скор:
ползу,
падаю.

и стон
вот
и крик,
вновь
мне грудь
рвущие.

твоя
плоть,
твоя
кровь,
твое
сущее.

паду
ниц.
земли
вдоль
сквозят
полюсы.

спеши
вниз,
достичь
коль
вершин
боязно.

нельзя
ведь
такой
страх
назвать
старостью.

откинь
клеть,
ступи
шаг –
тогда
запросто.

откинь
боль
своих
ран,
презрев
трудности.

прими
роль:
тобой
дан
обет
юности.

Октябрь 1999

Ольга Ловилина

Будишиь себя по ночам резким криком,
похожим на вопль предсмертный израненной рыси.
Превозмогая усталость и боль, тянешься вверх,
и на холеных ногтях застывают блестящие вишни.
Ночь разрываешь в куски белоснежными стрелами рук обнаженных,
иглами остроконечных зубов пришиваешь
истерику жизни на войлок безумия ночи,
шепчешь слова заклинаний,
которые помнишь по снам воспаленным:
«О, триединая мать, Артемида, Кибела, Геката,
пышноволосая дева, хозяйка полуночных таинств;
томная, злая Астарта, царица любовниц;
четырехрукая Кали, одетая в шкуру пантеры!
Вас заклинаю: услышьте, ответьте, придите!
Вас призываю в безмолвии раненой ночи!
К Вам обращается правнучка древних народов,
к жизни Богинь воскрешает последняя жрица.
Поторопитесь, Богини! На алтаре у распутья
свежая кровь – эта жертва, угодная девам –
пиршество избранных. Я ж преклоняю колени,
помощи вашей прошу и защиты, Богини,
лики свои обратите к смиренной рабыне.
О, Артемида, владычица темного леса,
дланью своей направляй мои быстрые стрелы
в сердце испуганных жертв. В душу мою же
смелость вдохни, научи быть бесстрашной в сраженьи!
О, чародейка Геката, трехликая ведьма!
Сделай единый мой взгляд смертоносным оружьем,
и помоги проникать в сны, усилием воли
власть обретая над темною силой видений!
Жар сладострастья, Астарта, вливай в мои жилы,
губы одень в пламенеющий пурпур истомы,
тело налей безмятежной, ленивою негой,
волосы расплети, распусти по плечам их волною!
Кали! Вложи в мои руки меч свой и кхадгу,
шею укрась ожерельем. Змеиной улыбкой

губы раздвинь – улыбкой Горгоны!
Матери! Дайте мне древнюю, страшную силу,
дайте решимость, настойчивость, мудрость и гордость!
Женщин создайте по образу своему и подобью
и подарите им мир – место для развлечений».
Мудрые девы, всесильные девы, Богини
женщин земных одарили небесною силой,
и подарили им мир, как забавную куклу ребенку,
Чья же вина, что игрушки так быстро надоедают?

21 февраля 1999

Клавиши тонут под пальцами.
Кутают комнату в сумрак
руки, распятые пальцами.
В синих глазах-незабудок
звезд разливается пьяная
терпкая ночь. Полнолуние.
Ведьма – душистая яблоня
пишет ветвями, рисует,
шепчет, вздыхает заклятья.
Ночь растворяет стены
и, разрывая платья,
ночь обнажает тело.
Воздух прозрачным саваном
запеленает ветви,
звезды светить перестанут.
Все в этом мире смертно
и за пределом Вечного
ты не постигнешь чуда.
В поисках Безупречного
вехи дорожные – губы.

Октябрь 1999

Жду полнолунья.
Ожиданье пульсирует в пальцах,
зарывшихся в землю,
и кровь, словно струи
дождя в хаотическом танце,
сердце питают как семя,
лежащее там, в темноте,
среди многих подобных ему,
среди свитых в канаты корней,
среди белых прозрачных червей,
среди преданных вечному сну.
Травы растут по ночам.
Цветы открывают глаза.
Как тягучий и приторный фимиам
на жемчужинах их лепестков золотая роса –
дар завистливым небесам.
Травы тянутся к свету,
в жидкое серебро погружают зеленые руки.
Травы требуют лета,
покоя. И тихие звуки:
шорох раскрывшихся листьев,
шепот сползающих комьев земли
как дуновение мысли,
как откровение сна. Позови!
Рассмотри то, что помнишь!
Узнай то, что видишь!
На свежевспаханном ложе
ты сможешь стать ближе
к тому, из чего ты родился.
Если бы люди услышали,
как рвутся к заоблачной выси
хрупкие стебли, как дышит
тонкий росток, они сошли бы с ума,
осознав всю тщету притязаний
на трон Господина Вселенной –
не задев крылом неба,
не зная грязь дна,
перепутав писания ада и рая.
Стекленеющий взгляд... Паутина сомненья
это пророчество. Это затмение.

26 января 1998

Елена Луканкина

ПРИЧИТАНИЕ

Добрые русичи: старые, малые, девки да молодцы!
Страшная весточка с нашей окраины в дом постучалася –
Матушка Машинка с батюшкой стареньkim плачут по дочери:
«Солнышко ясное, ах, на кого стариков ты покинула.

Сердце твое благородное в реченье темной покоится,
Мы ж тебя, дочка-красавица, так берегли и лелеяли,
Молодцу – буйной головушке не отдавали, не думали,
Что полюбила Ивана ты и поклялась на распятии –

Верной женой служить ему, другом быть лучшим и искренним.
Ты не вини нас, родимая, не проклинай с неба чистого.
Сердцем жила, а не разумом, Машенька – кровушка рдная.
Он погубил твою душечку, не за тобою он хаживал,

Высушил сердце горячее, твой муженёк, твой возлюбленный.
Ночкой июльской, туманною в речку вошла и сокрылася –
Только венок да одёженку в речке нашли люди добрые».
Страшная жизнь, неспокойная выпала матушке с батюшкой.

Боже, прими деву – Машеньку, да не суди светлу душеньку,
Ваньку суди за неверности да за поджоги давнишние.
Маше поклялся неверующий именем Господа нашего,
Бесу продал слишком дёшево душу свою некрещёную.

Пойте, ветра, о спасении, плачьте, дожди, солью едкою,
Тучи, стрелу свою меткую в землю пустите в знак горечи,
Гусли, играйте печальную песню по страшному случаю,
Может, усопшая Машенька в мире ином будет счастлива.

Сергей Лёвин

КОШКА

Стая волков мускулистых, голодных,
Рьяно стремились навстречу рассвету,
Не опасаясь ослепнуть; по небу
Плыли гигантские лжедирижабли;
Ярко кружили хвостами кометы,
Искрами шлейфов играючи брызжа;
Ездила грозная робот-машина,
Пальцы раскинув стальным пятицветьем;
Шли остроумные к пеклу паяцы –
Губы накрашены, грудь накладная,
Волосы слеплены в модную стрижку,
Ноги расставлены, как штангенциркуль;
Их догонял на «линкольне» любитель
Пышных пирров и фужеров с шампанским,
Жареных уточек, свежей редиски,
Ополоумевший от сновидений,
Ночью сегодняшней пьяно пришедших,
Выгнавших прочь из нагретой постели.

В даль золотистую, к солнцу на праздник,
Праздник всеобщего жизнерожденья,
Ехали, шли и летели все сразу,
Многие – тупо и без пониманья,
Все остальное – по предназначению
Встретиться с матерью, жарко обняться
И, утерев кровь из горла ладонью,
Встать на колени у ног белой кошки, –
Там, где сливаются тропы, дороги,
Рельсы и рейсы морских пароходов.

Кошка, довольно оскалив мордашку,
Чуть улыбнётся и ласково слизнет
Жертву пришедших со всех сторон света,
Чтоб отрыгнуть неживое светило.

Март 1999

Пальцы скрестились в последней дуэли,
Нравственность, замкнутость, слово на –ость.
Я, размахнувшись сильней, заметелил
Прочь в переулки, таящие злость,

Столбики серенькой архитектуры,
Грусть асфальтированных галерей
Перетасовской смелись в каламбуры,
Сделав меня молчаливой и злей.

Кровь застывает подобием студня,
Еле иду, как глушённый веслом,
В долгие, нудные, бледные будни,
Чтоб созидать социальное зло.

18 февраля 1999

КРЕЩЕНИЕ

Яблоко – ветка фольклора,
Библия – сон космонавта.
Ягве придет очень скоро,
Может быть даже и завтра,

Ступит на грязную землю
Белой, святою ножищей,
На эсперанто свирелью
Нас позовет сотни тысяч

И заведет хороводы,
Чтобы крестить в океане
Прайды людей и под воду
Их уводить на закланье.

Январь 1998

ПРОЗРЕНИЕ

Из груди проросли купола,
Разбуравили ребра крестами,
И упала моя голова,
На лету превращаясь в камень,

Покатилась в чужую страну
Скал отвесных и пропастей мглистых,
Где уже никогда не усну
Я, назвавшийся раз атеистом.

2 апреля 1999

24

ВЕСНА

Весна вгрызлась мне пулей в голову,
Правый глаз ослеп.
Голова моя теперь полая
Горяча, как хлеб.

Весь измученный и взъерошенный
Я завыл в окно.
Только ветер-гад выжал кожу мне
Щекотно.

Январь 1999

СКОРБЬ

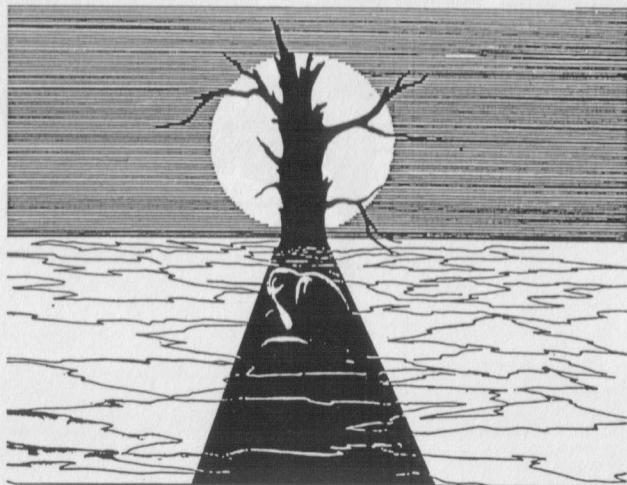
Собрались у костра шаманы,
Барабаны взорвала дробь,
У всех воинов вскрылись раны –
То на землю спустилась скорбь.

Задрожало чумное пламя,
На дрова был распилен гроб,
И глаза заслезились, тая, -
Во владенья вступала скорбь.

Сотряслись под ногами скалы,
Из воды морской вырос столб
И обрушился на кварталы,
Где забыли понять «скорбь».

А под утро дымились чащи,
Разделила мир трещин сеть.
И нет счета теперь скорбящим,
Научившимся вдруг скорбеть.

25 октября 1999

СВИДАНИЕ

Ольге

Раскрылся широким шагом,
В никуда из ниоткуда
Я спешил, ведь дома ждало
Мое маленькое чудо.

Там глаза в окно смотрели,
Ожидая скрипа, стука.
Я бежал, сквозил метели,
От мороза громко ухал.

Торопясь, топил сугробы,
Камнем падал в котлованы,
Но взбирался вновь по склонам:
Поздно – плохо, лучше – рано.

Мышцы ног порой сводило,
Пальцем расправлял под кожей
Ткань промерзшую, рвал жилы,
В спешке был неосторожен.

И успел! За черной дверью
Бросило битьё посуды
И повисло мне на шее
Мое маленькое чудо.

Февраль 1999

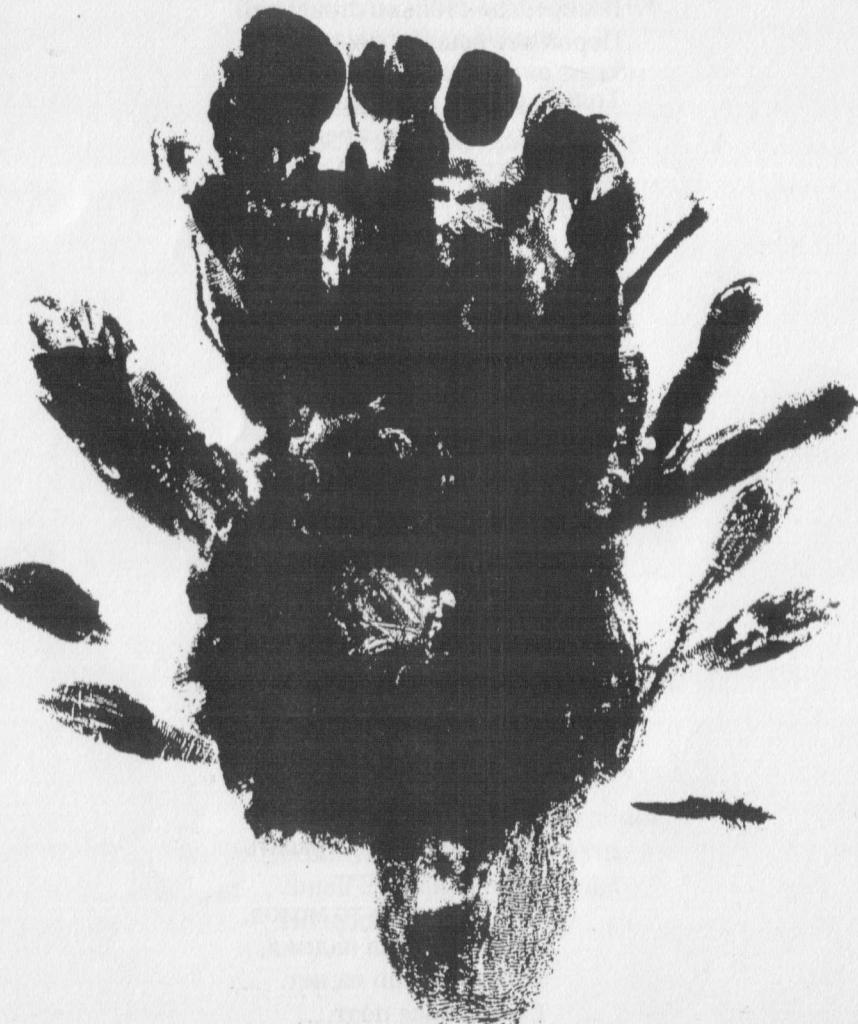
ГОРОД-ПРИЗРАК

Площадь, улицы, стены домов...
В полусумраке я одна.
Этот город давно мне знаком
И луна.
Я была здесь когда-то давно
Или, может, совсем не была...
Эти улицы, стены домов –
Кабала.
Я не в силах отсюда бежать:
Моей памяти черные дыры
Снова могут меня задержать
У могилы...
У могилы растаявших чар,
у разбившихся вдребезги грез.
Этот город страшнее отрав!
Он наркоз.
Он меня погружает в сон:
Я в могиле, и нет спасенья.
И дома с четырех сторон –
Привиденья.
Вот перрон. И скрипят тормоза.
Затаился в кармане билет...
Город скроется навсегда
В дымке лет.
Площадь, улицы, стены домов...
В полусумраке светит луна.
Лиши ее забираю с собой.
Но куда?

Я вложу тебе в руки камень,
Ты сожми его крепко-крепко.
В мире, где столько страданий
Порой все решает монетка.

Только решка или орел...
На ребро становится редко...
Ты в руках мое сердце сожми
Крепко-крепко.

Состарился поэт...
Он был когда-то молод.
Он с музою дружил,
Был лаврами обвит.
Состарился поэт...
Его никто не помнит,
Состарился душой,
И, как поэт, погиб.
И не ворвется Муза
К нему в окно украдкой,
Когда откроют руки
Холодную тетрадь...
И не приходят люди:
Он сам калитку запер,
А творческие муки –
Лишь повод пострадать.
Состарился поэт...
Он был когда-то молод,
Он полон был надежд,
Но все сошло на нет.
Состарился поэт...
Его никто не вспомнит,
Состарился душой,
И жизнь летит в кювет.

Елена Зайцева

Я – ДЕРЕВОМ СТАНУ

Ветки окно разобьют,
белый желток луны
выплеснут из весны
в мой постылый уют.

Внутрь себя не сбежать –
там асфальт пробивает трава.
И стучит внутри голова –
Одупляется птичья рать.

Когда маем зрачки расцветут,
я врасту в небесную плоть
облака руками полоть,
К октябрю превратиться в трут.

25 марта 1999

Усталость – измерение улыбки.
Когда ты уходил, я пела гимн.
А в золотом аквариуме рыбки
Краснели и выплевывали дым.

Я – королева в «зале для банкетов»,
Прикованная к газовой плите,
Ношусь по трем моим квадратным метрам,
Все чары отдающая еде.

Я для тебя как ложка или вилка;
Уставом не положено мечтать.
А ты не пробовал вскрывать посылку?
А я вот просто пробовала ждать...

9 марта 1999

Душа поэта

«... ЭТО МНОГОПОЛЮСНЫЙ МИР...»

То, что некоторые называют
стихами, - лично мне совестно
называть мои создания этим
словом (... или стыдно)

СУБЛИМАЦИЯ ТЕНЕЙ

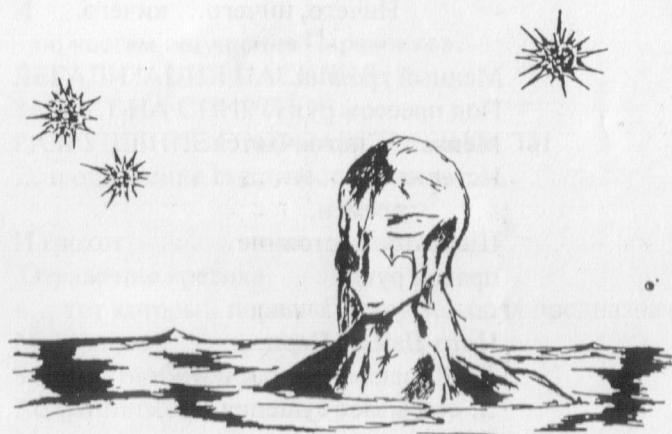
Как унылая птица,
Скитаясь по окраинам города
Сублимирующих теней,
Как вран, черноокий и чернокрылый,
Взъерошенный от нескончаемого дождя,

Бредущий с признанием,
Нажимающий кнопки
И с унылым видом слушающий
тишину...

Ода безумцу на его устах
срывается с малейшим
приближением
утлого
«... утреннего света...»
...готика в подлунном мире,
шахматы-Черно-Красные фигуры,
изрезанные многочисленными
п.е.р.е.м.е.щ.е.н.и.я.м.и.
по доске Времени:
Коробка черепа с кусочками табака
И пустой стакан вчерашнего утра
Бар-р...р
Унылая птица ерошит перья

Раскрывает клюв и что-то...
хриплое першил в её горле.

Бредущий по окраинам города
Сублимирующих теней,
По окраинам индустриального
района
с мутными стёклами
И стонущими воротами...

• Река Улица.
И Многие Сироты Покинуло Нас.
• В Грядь Обратились Миръ.
• Порок Пестречинъ,
Морок Боят Ирунъ.
• Низнь Катится
во Тлен...
• И либо мы возьмём Свой Время,
либо Оно Уйдёт от Нас в Нику.

ЛАСКАЯ КОЛЬЦО РУК

Лаская кольцо рук
Стеариновой свечой...
Ласкающее движение
за Стенами Сорбонны,

Да-Да и Бааргельд
Медленно кивают,
Громя выставку Даля выкриками...
- Ничего, ничего... ничего.

Медный грошик
Под прессом рук
Меняется, истончается
Истерия
времен,
Щербатое достояние
правой руки.

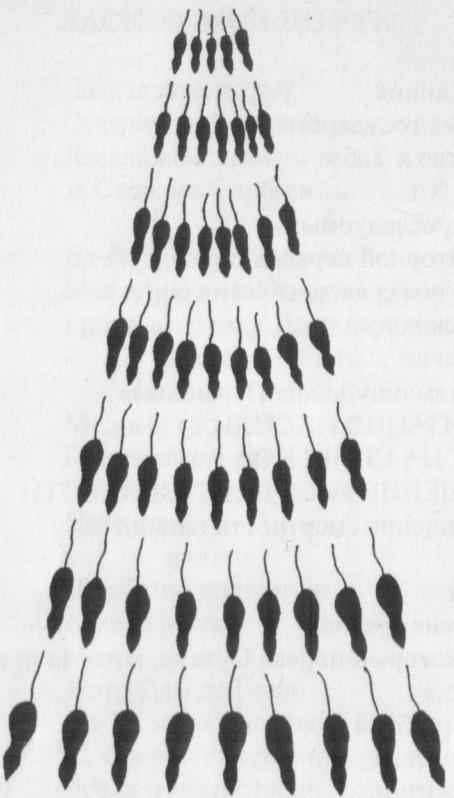
Нотр-Дам де Пари...
Да-Да заключает пари и
... сасывает сущения,
брейя по автостраде
с Джеймсом Джойсом
- Хочется спрятаться
за бархат стен,
за занавес медного грошика.
И жалобно плакать,
Поглаживая ушедшее
и отгоняя криком отвращения
Генри Миллера с фонариком
В левой руке.

Лаская кольцо рук,
Медный грошик,
Нотр-Дам де Пари.

Бегущая линия
Появление государства
Шаманство и Табу
Ап_Ван_Хо...
Еретик преследуемый –
Катализаторной церковью
«Словно поезд вагоны
ведет монолог –
И
по частям ощущение Пааноика».
ЛЕГАЛИЗАЦИЯ НАСИЛИЯ
ЗАПРЕТ НА СПИРТНОЕ
РАЗРУШЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ
... и ощущение смертности нации

И грохот
Отражение еретика
«... тот который порвал Сутану, которая предназначалась ему
Материю.»
Зеркало разбито
Конец эпизода
Монета жизни...
.....
встала на Ребро

12 марта 1999

Карфаген должен быть разрушен

ПРОЗА

Александр Коробков

«МАСТЕР ИЛЛЮЗИЙ»

Странно – розовый туман клубится над сельским кладбищем. Да, дело, в общем-то, было не в тумане, просто кладбище постоянно наевает что-нибудь эдакое. Да, был туман, но обычный и серый, хотя что-то розовое в нем было. Ну не в этом дело!

- Ванюша. Ванюшенька, - до странности сладкий голос позвал изнутри.

Да нет, голос был обычный, но вот что-то.

Нет, ну не бывает таких голосов, нет не бывает! Ведь есть странное, есть. Хотя бы тень странности ведь была же. АГА!!! Вот так-то!

- Ванюша!

Что ж с того, что я Иван, каждый норовит как-нибудь его извратить (имя т.е.).

Вот еще один нашелся. Ну какой я тебе Ванюша. Я Иван. А, впрочем, есть что-то от Ванюши, ведь есть, а...? Хотя откуда у меня это что-то общее, вот я Иван, и намека ни на какого Ванюшу нет.

Гулко стукнули настенные часы. Раз, второй, третий, четвертый. Пятого удара почему-то не последовало, странно! Опять же, если сейчас четыре часа, то ничего странного в этом нет.

- Перехожу на активный уровень!

- Эй, кто это сказал? Ничего не понимаю, какие-то странные голоса.

- Я скажу этой мисс Хрениган!!!

Нет, что бы вы там не говорили со мной, не все ладно. Эти голоса и ВООБЩЕ.

Вот это самое “и вообще” мне больше всего и не нравится.

То я в море, то я в джунглях, то я в открытом космосе с Леоновым впервые выхожу в него (в космос т.е.).

Это неспроста, это ненормально!!!

Спокойно работал... Слушайте, где я работал?

А впрочем, неважно, где я работал. Работал и все тут! Да, я пахал как Папа Карло. Но вот где? Что случилось? Во, вспомнил, что странного! ВСЁ!!!

Точно! Так, что помню? Ничего! Погоди, Мишку помню. Интересно, это кто?

Стен не видно – наверное, завешаны окна или их вообще нет, да мне это и не нужно. Периодически прихожу в себя, в остальное время парю в чистом потоке пространства на крыльях собственных иллюзий.

Вот скрипнуло в ухе, чешется. Медленно, как бы нехотя (я это чувствую), из него выполз червь. Такие же ощущения вмиг распространялись по всему телу. Боже мой, да я сгнил заживо, Боже мой!!! Сколько я в этом состоянии? Остервенело срываю с себя мелких ко-пошающихся тварей. Ими покрыто все тело, и грудь, и ноги, вобщем, все тело.

Ничего не вижу, но чувствую, что кожа моя струпьями падает на пол, когда я сдираю этих тварей. Щупаю нос. Там, где был мой прямой, красивый греческий нос, теперь зияющая дыра.

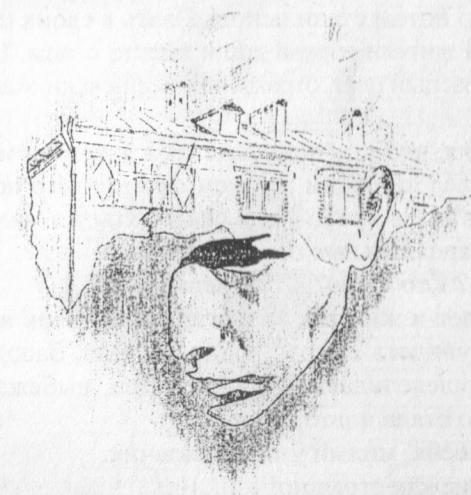
Вот почему темно, поганцы сожрали мои глаза. Но откуда они?

Ах, да! Я же полгода, как умер. Да нет, постойте, как же это так?

Я здесь, я щупаю себя. Но это ничего не доказывает, я умер.

Да не повезло! И все равно, есть в этом что-то странное.

19 июля 1997 года.

СОЧИНЕНИЕ

(ассоциативный ряд по рассказу М.Горького
«Рассказ о безответной любви»)

Заходить в дом страшно. Из-за угла светит оно – солнце, как на зло прямо в глаза. Предзакатный час слабо тикал на городских башнях, не касаясь ни прохожих, ни тех зевак, которые по обыкновению своему украшают улицы и переулки.

Слабый и тихий звук метлы проносится по двору. Это Мустафа – он выметает память об отце.

- Эй, Мустафа. Ты разве забыл, что нельзя мести, когда в доме покойник.

- Кто здесь? Кто здесь? Кто здесь?

Солнце почти закатилось, лишь слабый звук неотступно преследует его. Во весь опор по двору мчится червь. Каждый вечер он пытается обогнать солнце и успеть к заветной черте до прихода тьмы. Не доезжая ее, он падает и лежит так до утра. Утром Мустафа придет и снова будет мести улицы.

Весь мир – это сплошные символы. Появились они давно, так давно, что время тогда шло в обратную сторону. Вначале люди боялись символов, но потом стали использовать в своих целях.

Город жил. И жители города жили вместе с ним. На стенах домов, выкрашенных в красный цвет, отражались все печали, желания и радости.

Брат сказал:

- Не желаю я, чтоб ты приносил себя в жертву мне.

Сказал и провел широким лезвием охотничьего ножа себе по горлу. Брызнувшая в пыль кровь стала скатываться в маленькие шарики, так похожие на карнавальные носы клоунов.

- Кто здесь? Кто здесь? КТО здесь?

Двенадцать лет я жил как зоологический зверь в клетке. Только для того, чтобы увидеть смерть родного брата. Заводная кукла, стоявшая в углу, пошевелилась, открыла глаза, выбежала на середину комнаты и громко стала повторять:

- Вот убил себя, милый умный мальчик.

Страшно, боже как страшно!

Накатившая волна смысла остаток крови в море. Больше ничего. И снова тишина. Страшнее всего эта тишина и мрак за ней.

Пианист, с которым уехала мать, давно умер. Я так и не увидел его. Говорят, они уехали в Гагры, я был там несколько раз – ничего, кроме тишины и пустоты за ней.

В переднем углу под образом, одета в темно-красное платье, укрытая цветами, пышная и волшебная, вся точно в огне, сидела она. Два перекрещающихся шрама на левой руке говорили о ее профессии. Медленно подошел и поцеловал ее. Она улыбнулась, обнажив ряд белых зубов и пробормотав:

- В бога верят люди злые и неискренние, – осыпалась миллионами жемчужин на пол. Было приятно прикасаться к ним, гладить и глотать одну за другой.

- Съела я вас, Петруша? Ну простите, ну поцелуйте меня!

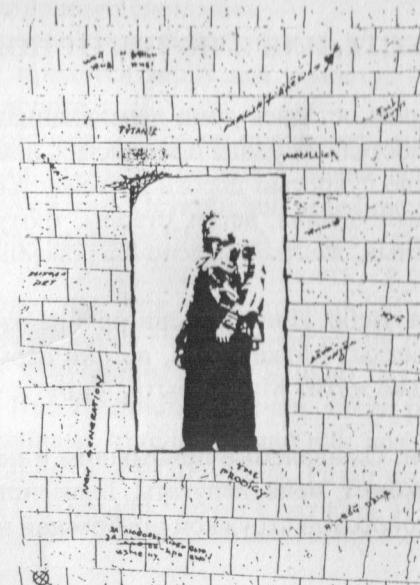
И снова она и снова на своем месте в углу в том же платье.

Мне кажется иногда, что я сам во всем виноват. Я в этом почти уверен. Там, под горой, на маленьком кладбище, я и похоронил ее.

А по ночам она шевелится в гробу, стучит в крышку и повторяет:

- КТО ЗДЕСЬ? КТО ЗДЕСЬ? КТО ЗДЕСЬ?

11 января 1999 года

Александр Коробков

Как будто и не было того теплого летнего вечера. Не было железной ржавой трубы через все поле. Не было высокой кукурузы, распустившейся прямо по обе стороны от нее. И, уж конечно, не было заката, что освещал все это в злобном красном свете. Гулкие звуки шагов, отражающихся в трубе и мысль о том, что если на одном конце этой трубы сидит какой-нибудь человек, прижалвшись ухом к широкому растрябу, то можно обозвать его идиотом, крикнув с другой стороны. Можно, причем совершенно безнаказанно. Но вдруг придет ответ с той, и тоже безнаказанно. Да-а-а, это не подходит. Все течет, все изменяется. Черт!!! Безумие — вот что нужно для нормальной жизни. И идиотизм для процветания.

Но знаете, все чаще прихожу к мысли, что был и летний вечер, и труба, и кукуруза, и закат, только очень давно. Может быть, в детстве? Хотя кому все это нужно?

9 марта 1998 года

Елена Зайцева

ВМЕСТЕ, ИЛИ КЛЮЧИК ОТ НОЯБРЯ

Нелепым укором осталась дома перепаханная ночной бессонницей одиночества постель. А улица прикасалась немыми снежинками и уводила все дальние сухостью дороги и свежестью воздуха, четкими линиями и красками: здания, ветки, стволы, тротуары, листья, трава, серый, черно-зеленый, желтый, красно-багровеющий, зеленый, еще и еще...

Фонари. Дома. Небо. Приятная синева с редкими нимбами. Розовый уже ушел. Звезды? Может быть, но они скрыты электрическим. Невозможно столько идти? Может быть, но путь, кажется, только начинается.

И ветви, ветви. Оживляемые прибывшим к ночи ветром. Жутко? Вряд ли что-то может меня испугать. Блаженство морозной, едва припорошенной кокосовой стружкой ноябрьской ночи.

Самое смешное, что тебя нигде нет. Хотелось сказать тебе «прощай» или что-то в этом роде. Устала? Устала ли? Слишком свободна, наверное. Птичка-синичка.

Так хочется выкинуть бренчущие в кармане ключики с того моста. В холодную, оттого чистую черную воду. Красиво, наверное, смотрелись бы они на дне — серебряные закорючки от моих дверей. Что-то это было бы слишком «символично» и глупо — и себе отрезать путь? Забавно, забавно. И сущеные кораблики плывут — листопадчик он и в России листопадник.

Почему-то кажется, что ты наверняка в парке. В том глухом его уголке, где вечная темень (правда, я не была там днем...). У тебя над головой звезды, но ты на них не смотришь. Сидишь себе на полуопавленном дереве. Может, ждешь кого-то. Наверняка — тропинка рядом. Она чуть светлее травы, и ее можно с трудом, но разглядеть. Может, меня ждешь? Ждешь не зря, но не дождешься. Я постояла у моста и свернула в сторону. Не перешла сквозь звездные врата, по-вечернему ирреальный путь. Ну о чем мне с тобой говорить, скажи? Тем более, что над моей головой звезд отчего-то нет. Глупый и неправильный символ. Прийти и посмотреть на твои звезды? Но только если очень тихо, чтобы ты не заметил. Вряд ли это удастся — зашуршит веточка, ты вздрогнешь и поймешь, что это могу быть только я. Или галлюцинация от долгого ожидания.

Странно замедляются шаги. Я люблю только пустую ночную набережную, а потому придется вернуться к мосту. И постараться не встретить никого по дороге.

Если лжешь и боишься — тебе не преодолеть пути, не миновать звездных врат. Только открытое сердце с долей вселенского пафизма — пропуск в другой мир. Остатки той реальности — асфальтовый кусок дороги, жестяная банка от Sprite. А потом — тропинка, деревья, тьма. Жуть. Но в том-то и дело, что уверенность — в парке я одна, а на знакомом пятачке будет нас двое... Не страшно. Вот ручей. Здесь — направо — твое имя, вырезанное глупой юной рукой на стволе. Но мне прямо. А там цветут кукушкины слезы — чудо для здешних мест — один-два цветочка в год. Пятнистые свечки, такие родные, необъяснимых сиренево-малиновых оттенков. Рано или поздно их кто-то находит и срывает... Сейчас все равно осень. Разве что шальной отмороженный одуванчик где-нибудь торчит с октября, И то вряд ли.

И совсем ни к чему мне доходить до твоего полуповаленного дерева. Одиночество можно и здесь – вот целая куча валежника. Не потому, что я боюсь не застать тебя и в чем-то обмануться. Я уверена.

Но все же одиночество рядом с тобой – во много раз лучше. Хотя и чуть не доходя до тебя – тоже прекрасно. Так бредово! Так непостижимо. Идиотизм просто для «нормальных».

Причем ведь ты не такой уж сумасшедший. Скорее, как раз «нормальный». Но с одним «но» – способен на бредовые поступки. Оттого тебя люблю. Да и я не для всех «сумасшедшая», а только для избранных. А для тебя – особенно. Надо же как-то тебя злить.

Я просто знаю, что ты здесь. И мне не нужно никаких зрительных или слуховых подтверждений тому. Тот, кто видит меня со стороны, может забеспокоиться: что с нею будет? встретит ли она его? нет? Кто-то проконтролирует: а его там не было и быть не должно было. Тот, кто видит со стороны его, тоже задастся вопросом: а существует ли эта его необычайная девушка? Или так: о, наверняка они встретятся и все у них будет как в сказке, и умрут они в один день... Какая чушь – все ваши мысли!

А тот, кто давно смотрит на нас обоих, на каждый наш шаг, грустно улыбается в усы, и звездинки проскаивают время от времени у него в глазах. Он подпирает подбородок рукой и с чувством необычайного удовлетворения от своей работы смотрит куда-то сквозь звездный мост и мимо нас. Ему ни к чему зрительное или слуховое подтверждение того, что мы существуем. Мастер хранит образ творения у себя внутри.

7 ноября 1999 года

Творчество Общества Зрелица

НАША СТРАНА

(драма)

Дремучий лес. Чудесней Всех Чудес собирает грибы.

Ч.В.Ч. Ля-ля-ля. Собираю я грибы (поет).

Медведь. Ля-ля-ля. Собираю я малину (поет).

Ч.В.Ч. подскользнулся на грибе, и упал лицом в лукошко Медведя, и надкусал все малину.

Ч.В.Ч. Ля-ля-ля. Собираю я грибы (алчно).

Медведь. Не скажи (хочет исходить¹).

Ч.В.Ч. (не хочет) А вот этого делать не надо.

Медведь. Ну почему же?

Ч.В.Ч. Раритетная вещь (являет диафильм «Руки сапера»).

Медведь. (понюхав плеинку) Не столь.

Ч.В.Ч. (утвердительно) Раритетная (всячески является диафильм).

Медведь. Да... Не скажи (всячески хочет исходить).

Ч.В.Ч. Здесь скрыт скрытый философский смысл.

Медведь. (алхимически) Где?!

Ч.В.Ч. указывает на муравейник в двух шагах.

Медведь. Да... Как бы не умереть...

Сует нос в муравейник и подрывается на мине, которую там спрятал

Ч.В.Ч. в 1-ом классе, в походных условиях,

Наша страна. Больше его никто не видел.

КОНЕЦ

19 марта 1997 года. О.Ш., О.Ф.

¹ исходить – избить (диалектн.)

КЛАДБИЩЕ

Все дороги города вели на кладбище.

Извилистые автобусные маршруты, редкие блокпосты остановок с трепещущими на ветру обрывками безграмотных объявлений, часто безжизненные грязные тротуары, ослепленные циклопы фонарных столбов с выбитыми местной шпаной лампочками, даже склоняющиеся к земле дорожные знаки – все указывало туда, где город, походящий с высоты птичьего полета на изогнутый бараний рог, медленно сужаясь, превращался в большую заросшую зеленью и истыканную крестами да дешевыми памятниками поляну, на которой кроме могилок располагались еще и самодельные деревянные столики и такие же незамысловатые скамеечки, давным-давно потерявшие первозданный блеск, ибо нечасто плотные человеческие зады полировали их тяжелым прикосновением; и только изредка, раза три в год, по религиозным праздникам, а чаще без повода, собирались здесь пьянецкие мужики, в очередной раз столкнувшись с проблемой места для выпивки. Лиловолицые дядечки с колодой потрепанных карт, на которых масть угадывалась только после длительного всматривания в испещренное трещинками бумажное полотно, мятymi рубашками, поражающими идентичным отсутствием верхних пуговиц, и большими, мозолистыми, пахнущими чем-то трудноопределяемым, похожим на смесь бензина и спирта, ладонями громко говорили, ругались и сплевывали на землю шелуху от семечек, купленных час назад у неопрятных старушек, в изобилии водящихся на дороге в это скорбное место и, наверное, внутренне готовящих себя к скорому путешествию из одного конца города в другой, последнему своему путешествию.

Иногда (чаще всего это случалось в самый разгар веселья) кто-нибудь из компаний внезапно растерянно вскрикивал: «Люди, а зачем мы живем? Живем-то зачем?» – и с размаху бил кулаком по столику так, что вздрогивали бутылки, взлетала в воздух схожими с крохотными градинками крупинками соль и разметывались по сторонам очистки яиц, совсем недавно подобранных на соседней могиле. Кулак оказывался осущенным и долго ныл, а собутыльники смотрели на взволнованного собрата понимающе и молча сочувствовали, зная, что помочь человеку в такой момент не только нельзя, но и нежелательно –

можно сделать только хуже, а кому захочется портить такой замечательный день? Всё быстро приходило в норму, и мужики сидели дальше, приоткрывая друг другу несложную завесу жизни своей, которая казалась им, конечно же, самой интересной и важной. И, в самом деле, никто не перебивал говорящего и только однажды, когда наставал тот непередаваемый никакими словами миг, знаменующийся звяканьем бутылочного горлышка о край граненого стакана, опрокидывал новую стопку одним мощным глотком и захрустывал алкогольную горечь добрым половинкой сочной луковицы, предусмотрительно захваченной с собой, ведь нет ничего приятнее замещения одного резкого вкуса другим, сильным и обжигающим, растекающимся прозрачной остротью по ротовой полости, вытесняющим противный водочный «аромат» и заставляющим встряхивать головой, выговаривая: «Эх, х-ха-раш-ша, зараза!»

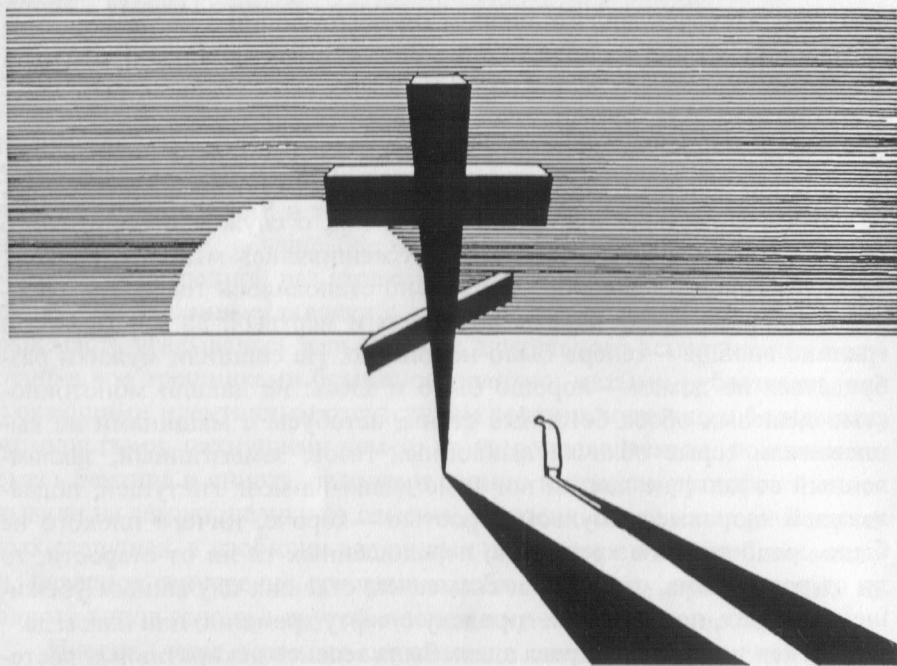
Так и сидели мужики под веселым добродушным солнышком, постепенно забывая о наскучивших проблемах суэтливого и мелочного своего существования, о женах и детях, о службе и политике, о том, что прямо под ними мертвые. Смешивались мысли с водкою, сливался город с кладбищем, и неясно становилось тогда, где находится граница между царствами живых и мертвых, да и есть ли эта граница вообще – теперь было непонятно. Не спешили мужики разбрдаться по домам – хорошо было и здесь: не давили монотонностью дешевых обоев бетонные стены, автобусы с машинами не выплевывали серые облачка выхлопных газов, замызганный, захламленный асфальт не пачкал ног и не давил на мозг гнетущей, подавляющей здоровые импульсы серостью – короче, ничего плохого не было среди травы и крестиков, перекошенных то ли от старости, то ли от ревматизма, столиков и скамеек, ставших случайным убежищем для всех, покидающих городскую черту временно или навсегда.

И, как ни странно, трава здесь была зеленее декоративных растений, взлелеянных в керамических горшочках, что обильно теснятся на подоконниках тесных комнатушек, и небо голубее, так как не приглушал его расползающийся из кварталов сигаретный дым вкупе с заводскими отходами, которые в великом множестве исторгали высоченные, устремленные в небо, будто стволы гигантских орудий, трубы, и настроение светлее и чище...

Трава тихонечко шелестела, карты трепыхались в порывах теплого ветра, журчала по стаканам водка, плыли по небу редкие фигурные

облака, и сидели под облаками мужики, и лежали под слоем земли
прямо под мужиками мертвяки, и горело в неизмеримой глубине под
мертвяками огромное сердце планеты, дарующее вместе с солнцем
тепло всем: и живым и мертвым, не разбирая, кто достоин великого
дара жизни, а кто - нет.

26 марта 1999 года

ПУБЛИЦИСТИКА

МЫ ИЗ АЗА

Говорить о таком уникальном явлении, как АЗ, можно долго. В самом названии, несмотря на исчерпывающую краткость, заключена масса информации. Это и аббревиатура, скрывающая истинное название – Академия Зауми, – и крик самовыражения с оттенком индивидуализма – «АЗ есмь и глас мой слышен». В большом смысле АЗ – это союз тех, кто вышел за пределы традиционной поэзии. А в более мелком масштабе – студия Академии Зауми, где постигают Азы поэтического искусства.

Говоря об Академии Зауми, нельзя не упомянуть о ее руководителе, Сергее Бирюкове, который является теоретиком авангарда, талантливым поэтом и который вообще много чего умеет не совсем обычного – слушать музыку в падении КАмня и КАпли, например. Он является одним из учредителей Академии Зауми, которая возникла на базе литературного объединения «Слово».

Целесообразно ли говорить о школе Бирюкова? Ведь в Академии все такие разные. Нельзя сравнивать, допустим, творчество Алексея Шепелёва и Елены Часовских – просто потому, что люди эти мыслят разными категориями. И отличие авангарда от традиционной поэзии вовсе не в форме, как многие думают, а в способе мышления. Форма – следствие. Форма определяется содержанием. Можно использовать новые приемы в поэзии, оставаясь, однако, традиционалистом. Традиционалист видит вечные, неизменные стороны жизни. Авантюрист же привлекает как раз изменчивость жизни, ее игру.

Так как же со школой Бирюкова? У Аза, в общем-то, нет единой теоретической основы, наличие которой подразумевает школа. Некоторые, правда, разрабатывают собственные концепции, определяющие творчество и стиль жизни. Так внутри студии АЗ появилось ОЗ, Общество Зрелица.

На сегодняшний день «на совести» Академии Зауми много выступлений и публикаций. Еще больше непрочитанного и неопубликованного. Это неподражаемое в своей алогичности ОЗ (А. Шепелёв, А. Фролов, А. Толмачёв), это серьезная и вдумчивая поэзия Г. Минаева и Н. Конопкиной, это глубокие по содержанию и совершенные по форме стихи Р. Минаева и Е. Часовских, это интеллектуальная по-

эзия А. Федулова и А. Лапина, это многообразные и яркие эксперименты М. Гавина, это экспрессивный и эрудированный С. Лёвин, это чуткая, изысканная и слегка ироничная Е. Лебедева, это глубокомысленные и пространные стихи О. Ловилиной, представитель старшего поколения академиков В.Г. Руделев, хранитель архива Академии Зауми О. Сперанская, это творчество С.Е. Бирюкова, это поэзия ниже-подписанного, которой он, в силу авторской скромности, оценку давать не будет и многое-многое другое.

Что же общего у всех Азовцев? А общее у этих далеко не худших представителей человечества то, что это все люди, которым, образно говоря, каким-то невероятным ветром сорвало флюгеры с крыш. И с тех пор они смотрят на все четыре стороны света вне зависимости от направления ветра. Им никто и ничто не диктует: ни время, ни социальные катаклизмы, ни общепринятые нормы, ни даже их вышеназванный руководитель. Вообще об отношении академиков к Бирюкову нужно говорить особо. На пьедестал его здесь не возводят и памятников при жизни не ставят, в том числе и нерукотворных. Испытывают к нему уважение вкупе с любовью и благодарностью плюс здоровая доля восхищения, вполне им заслуженного. Азовцы понимают, что по большому счету иерархии среди поэтов не существует. Можно сочинять стихи, а можно быть Поэтом. Кто-то понимает поэзию как средство самовыражения, а кто-то священнодействует, свершая таинство со словами. И в этом, наверное, различие рифмоплета и Творца.

Понимают академики-заумники и другое. А именно то, что пути к творчеству у всех разные. И каждый на своем пути непременно должен быть один. Потому нет здесь коллективных задушевных бесед, совместного досуга и прочих атрибутов дружного коллектива. Но неизменным в нас является то, что все мы ощущаем себя птенцами одного гнезда – да простит меня Пушкин за заимствованный у него образ.

Древние учили не пытаться войти дважды в одну реку. И были правы. Все течет, все изменяется. Как знать, не выпадем ли мы из гнезда, один за другим? Ведь это очень трудно – сохранять такую многоликость в единстве. Да если и выпадем – что здесь плохого? Если бы крылья не окрепли да перья не выросли – кому нужны скороспелые вундеркинды или поэты, от двадцати до пятидесяти носящие почетное звание «начинающих»? А так – подросли, оперились.

Лететь можем. А вот стаей полетим, или по одному, или парами — время покажет. Одно можно сказать определенно: АЗ уже не прежний. Вот приедет Сергей Евгеньевич, посмотрит на растрепанное и потерянное свое детище и, как знать, не воскликнет ли он словами темпераментного гоголевского персонажа: я тебя породил, так сказать, я тебя и ... Шутка, конечно. Уж Сергей-то Евгеньевич как никто другой знает, что в поэзии на месте стоять ну никак нельзя. И где бы мы ни оказались, куда бы нас, лишенных флюгеров, ни забросил ветер перемен, мы всегда можем сказать, что гнездо у нас — одно. Общее.

1999 год

На фотографии — представители студии «АЗ»: (слева направо) Николай Ладыгин, Ольга Ловилина, Алексей Толмачёв, Михаил Гавин, Александр Федулов, Роман Минаев, Ольга Сперанская, Наталья Конопкина, Елена Часовских, Сергей Лёвин, Елена Владимирова, Сергей Бирюков, Алексей Шепелёв.

Сергей Лёвин

ПОКОЛЕНИЕ POST

В последнее время в разговорной речи стали чаще звучать вроде бы старые, знакомые слова с новомодной приставкой POST: постсоциализм, постиндустриализм, постмодернизм и т.д. Мыслящие люди (а такие пока еще остались) говорят о закономерности подобного положения вещей, ведь почти все, что можно было открыть и развить, уже открыто и развито. Человечество на границе тысячелетий дошло сначала на четвереньках, потом неуверенными шагами и, наконец, спринтерским бегом до рубежа, за которым не видно будущего. Выход сей страшен, но далеко не беспочвенен. Попытаюсь рассмотреть несколько довольно показательных граней этого утверждения.

Возьмем, например, музыку, которая в XX веке буквально расцвела, распустилась на множество направлений, усовершенствованная невиданной доселе техникой: синтезаторами, электрогитарами, компьютерным обеспечением. Возникли новые музыкальные направления, иногда совершенно непохожие друг на друга: рок, рэп, техно и сотни их ответвлений, множащихся с каждым годом. И если истоки рока можно обнаружить в средневековых балладах, а рэп — это не что иное, как проговаривание текста речитативом, то подлинный переворот произвела электронная музыка, вторгшаяся в жизнь вместе с НТР и культивируемая изначально такими пионерами техно как Yello и Depeche Mode, а вслед за ними сотнями, если не тысячами ныне действующими и записывающими альбомы коллективами со всех сторон мира.

Если же посмотреть на явление в целом, напрашивается вывод о конечности развития музыкальной культуры, которая на данном временном этапе просто повторяет себя в бесчисленных вариантах, из коих только единицы отличаются поиском нового подхода (скрежетание ржавым ломом по батареям и взвизги циркулярной пилы у немецкого колосса стиля «индастриал» Einstuerzende Neubauten или введение элементов фольклорных и разнообразных этнических сэмплов сначала у Питера Гэбриэля, Dead Can Dance, а затем во множестве групп типа Deep Forest или, если брать русскоязычные проекты, ИВАН КУПАЛА), а остальные не бояться быть повторением прошедшего.

Возникает вполне резонный вопрос: какой же будет музыка будущего? Появится ли нечто абсолютно новое, чего мы сейчас просто не сможем представить ввиду ограниченности разума, или все бытующие ныне направления продолжат варьироваться, бесконечно повторяясь и тем самым стирая грань между поп-музыкой и авангардом? (Подобные процессы уже происходят в так называемом русском роке, который, потеряв остроту звучания и протестующее начало с приходом гласности, теперь срастается с попсой до предела). Да, взгляд на музыкальную культуру получается довольно удручающим, и сегодня ее можно смело назвать термином ПОСТМУЗЫКА.

Практически то же происходит в литературе. Сюжеты давно исчерпаны, наследие Древней Греции миллионы раз перевернуто с ног на голову, современные авторы почти не пытаются искать новых героев, попросту переиначивая классические образы – и такое положение становится доминирующим, проникая не только в романы, принадлежащие ширпотребной масскультуре (продолжение «Унесенных ветром» М. Митчелл - «Скарлетт» А. Риплей или возвращение к образам «Властелина колец» Д. Толкиена нашего соотечественника, живущего, правда, в Америке, Ника Перумова в книге «Кольцо тьмы»), но и в произведения далеко не второплановых авторов, пытающихся поразить читателя своей интеллектуальностью и смелостью интерпретации классических сюжетов, а иногда и реально существовавших лиц и событий (Д. Джойс «Улисс», В. Пелевин «Чапаев и Пустота»).

Что же касается поэзии, то она, пройдя долгий путь от обрядовых песен до зауми, что, в принципе, очень похоже, завершила цикл своего развития и пошла по старому кругу, повторяя саму себя, но тем не менее, отказываясь это признать. Явление ПОСТМОДЕРНИЗМА захлестывает литературу все сильнее, свидетельствуя об угасании движения и медленном вымирании.

Подобные процессы происходят во всех сферах нашей жизни. Совершенствование техники, например, продолжается в ускоренном темпе, но старые основы остаются неизменными по сути. Суперсовременный телевизор с плоским экраном на жидких кристаллах и со стереозвуком несмотря на все навороты остается прежде всего просто телевизором. Так же как и музыкальный центр, и пылесос, и видеомагнитофон, и многое-многое другое...

Мы застыли на одной ступени великой лестницы развития и теперь можно только спуститься вниз на любое количество ступеней, а вот подняться вверх – недоступно, выдохлись во время гонки. Надолго ли затянется это малоприятное состояние ступора, неизвестно. Может быть, навсегда, и поэтому очень хочется надеяться на то, что наше поколение, поколение POST, не станет трагичным POST SCRIPTUMом к истории человеческой цивилизации.

Алексей Шепелёв

ОБЩЕСТВО ЗРЕЛИЩА

Обычно к этому названию прилагают «эпитеты» «музыкально-литературное объединение», «профанский конгломерат искусств», «организация для производства/потребления явлений»¹, но это неточно. «Общество зрелища» создано А. Фроловым и А. Шепелёвым 13 февраля 1997 года в Тамбове. ОЗ провозгласило концепцию нового искусства – искусства отгрибизма (от сл. «от гриба» – по аналогии с русскими идиомами «от столба», «от балды», «с неба (снял)» и т.д.) – т.е. полная немотивированность творчества. По-другому «отгрибизм» – «дебилизм» (субъект искусства, творец – олигофрен, человек-дебил) или «дэббол», «даббило» и т.д.). Как следствие, творчество ОЗ асоциально (или даже антисоциально) окрашено; «представления» ОЗ имеют своим девизом т.н. «антикатарсис»: «чтобы зрителю стало стыдно за то, что мы представляем» (это же называется профанацией, баухальством, «ибу profенством»). Антикатарсис (как первоэлемент асоциальности) направлен против массовой культуры, бездарности в искусстве, которая, как всем известно, дискредитирует самоё искусство как таковое, – а заодно и против сюрреализма, чтобы отмежеваться от него и показать его окостенелость, «музейность».

¹ эта фраза – цитата из «Концепции ОЗ (1997)»; «явление» здесь – «факт искусства, интегрированный в жизнь», «жизнь как искусство, искусство как жизнь», что близко к так называемому «реальному искусству» Д. Хармса.

Музыкальная группа «ОЗ» (искусственно вычленяемая часть ОЗ) выпустила 3 альбома «полупрофессионального качества»¹: «От гриба» (1997), «Long Live Long Leg!» (1998), «Начальник верховного бога Озириса» (1998, саундпоэзия), а также мини-сборник «ОЗ» (1997, живое исполнение под гитару, индастриал), сборник «От самого большого гриба» (радикальное). Планируется концертная программа «На кол всю попсы!».

Литература: плод двухлетней работы – книга «Сочинения О. Кобркова и ему подобных» (1999). В «концептуальном единстве» здесь собраны рассказы, стихи, рисунки.

Индивидуальное творчество («внеобщественное») «деятелей ОЗ» не принадлежит «отгрибизму».

ОЗ (концертный состав):

О. Шепелёв² (А. Шепелёв) – тексты, музыка, вокал.

О. Фролов³ (А. Фролов) – музыка, бас-гитара.

О. Толмачев⁴ (А. Толмачёв) – бас-гитара.

Р. Снич⁵ (А. Королёв) – барабанщик.

Вася Р.⁶ (В. Ручкин) – гитара.

Александр Самышкин

КИТАЙСКИЙ РЫНОК С РУССКИМ БАЗАРОМ

Раннее утро. К Центральному рынку, как к центру паутины, с разных концов города стягивается торгующий народ с тюками и мешками. В толпе русских продавцов мелькают лица вьетнамцев, корейцев и китайцев. В определенный момент пути предпринимателей российских и восточных расходятся. Кто-то, руководствуясь непонятно чем (хочется верить, не расовой принадлежностью), очертил им свою зону торговли, которая, особенно после августовского кризиса, пользуется все большей популярностью среди населения Тамбова.

¹ Т.н. «хоумтейпинг» (домашняя запись); общий тираж альбомов и сборников около 30 экз.

² Студент 5-го курса филфака ТГУ.

³ Студент 5-го курса филфака ТГУ.

⁴ Студент 5-го курса филфака ТГУ.

⁵ Студент 2-го курса факультета «Информационные ресурсы» ТГУ.

⁶ Студент ТГГУ.

Китайский рынок (как по-простому его называют в народе) живет отчасти своей жизнью. И хотя здесь также продают и покупают, торгуют и порой набивают цену, экзотика восточного рынка присутствует.

Продавцы

Понять, кто есть кто у них по национальной принадлежности – вьетнамец, кореец или китаец, представляется трудным. Для нас они все как один.

Русская женщина, торгующая здесь же мужскими «семейными» трусами, мне объяснила: «Как заходишь – тут сразу же вьетнамцы, дальше стоят корейцы, а уж потом – китайцы».

- А вы-то по какому признаку их отличаете? – спросил я, глядя на трусы. – Уж не потому ли, какой размер вашего товара они покупают?

- Нет. По ценам. У вьетнамцев они выше, чем у корейцев, а у корейцев чуть-чуть выше, чем у китайцев...

Чем объясняется разница в ценах, женщина не рассказала. Ну а если захотите приобрести товар за меньшие деньги, дорогие покупатели, спрашивайте у продавцов на китайском рынке не цену, а их национальность. Хотя в целом этот рынок славится низкими ценами. А разница в цене на ту или иную вещь не превышает 10 рублей. В тонкости русского произношения торгующий люд не посвящен, поэтому стоимость товара часто показывают на пальцах, как на торговой бирже. Весь представленный на китайском рынке ассортимент привозится не из Китая, как многие полагают, а из Москвы. Так сложилось, что именно Россия стала полигоном предпринимательства для выходцев из восточных стран. Из своих пенатов китайцы, корейцы и вьетнамцы везут разного рода продукты, в основном рис, здесь продают. Затем на вещевых рынках Москвы скапуют очень дешевый товар условного качества. Продают его в таких провинциальных городах, как Тамбов. Затем едут в Москву и опять скапуют. Опять продают. И так до тех пор, пока не заканчивается срок рабочей визы. Теперь на все заработанные российские деньги приобретаются доллары. С чуть-чуть расширенными от счастья и усталости глазами китайцы едут к себе на родину, где их ждет родной рис. Он скапается на имеющиеся доллары и везется в Россию... И так до старости продавцов, наверное. Низкие цены на китайском рынке объясняются и тем, что необходим непрерывный товарооборот. Чем больше товара они

прокрутят, тем больше прибыли. Сидеть с ним невыгодно, время идет и срок визы истекает. Зато некоторым нашим предпринимателям, по всей видимости, спешить некуда, они тот же очень дешевый товар продают по высокой цене. Им в кайф стоять на рынке в мороз и жару и с умным лицом заявлять, глядя на свой товар: «Фирма, ё-моё».

Китайским продавцам скучать некогда. Наверное, этим объясняется постоянная динамика восточного рынка. Стоит покупателю сказать, что он ищет, – тут же сыплются предложения и называется стоимость товара. Гуляя по рядам этого рынка, чувствуешь себя как на какой-нибудь барахолке в провинции Хуань. Здесь даже еда китайская есть: полутораметровая вермишель с огромным количеством ароматных приправ, приготовленных непонятно из чего. Русская публика на эти яства не кидается. А китайские повара, видимо, уже познакомились с психологией нашего покупателя, поэтому свой товар предлагают на родном языке и исключительно китайцам. Те охотно покупают изыски родной кухни. Ностальгия.

Нашим же людям роднее похмельного вида теточка, кричащая, как иерихонская труба: «Сосиска в тесте». Да и российский вариант хот-дога нам ближе. «Ну и пусть сосиска в teste разогретая, ну и ладно, что несвежая, зато будем знать, чем отравились». Нам, зная чем мы травимся, жить легче.

Продавцы китайского рынка – народ в основном улыбчивый и дружелюбный. Товар не только дают сколь угодно долго щупать, но и предлагают померить. Здесь же. Если покупка сделана, можете расчитывать на пожелания счастья и долголетия, правда, на условном русском. Поэтому возможно, что за улыбкой скрывается ненормативная русско-китайская лексика. Ругаться вьетнамцам, китайцам и корейцам есть отчего. Помимо того, что они платят налоги государству российскому, их обдирает еще и местная рыночная мафия. Под видом обеспечения «крыши». А от кого китайцев защищать? Только от самой мафии.

Для многих русских остается загадкой, почему китайцы зарабатывают таким образом, отрываясь от родных мест и приезжая в чужую страну. Попробуем объяснить. В Китае, Вьетнаме, Корее и других азиатских странах очень дешевая рабочая сила, поэтому даже устроится они на работу в своих родных странах, получать будут немного. Персонал заводов, фирм «Самсунг», «Сони» и «Дэу», где платят рабочим достаточно, уже давно укомплектован, так что остается

этим людям либо рис выращивать на родных просторах, либо членочным бизнесом на жизнь зарабатывать. Выбирают последнее. Менее трудоемко и более выгодно. Как-то по телевидению рассказывали, что в пограничной с Россией зоне Китая вырос целый индустриальный город, благодаря подобному бизнесу.

Покупатели

- Сисять.
- Чаво? А дешевле отдашь?
- Писять.
- А еще дешевле?

Русский покупатель везде норовит урвать подешевле. Даже если бы бесплатно товар отдавали, наверное, просил бы сбавить цену. Покупатели китайского рынка разные: где-то в толпе мелькнул знакомый профессор, бабушка внучке кофту покупает, девушка удивляется, почему носок одной туфли тупее, чем другой. Милая, что же ты хочешь за такую цену? Всех их объединяет низкое материальное благосостояние. Может, оттого и торгуются. Сначала снуют, мечутся, видят, что дешево, значит, дешевле должно быть. За пять минут обегают весь рынок, найдут прилавок, где самая низкая цена на нужный товар и теперь час торговаться будут. Торговаться настойчиво, по-русски, местами даже грубо. Вот стоит женщина и, ощущая некое превосходство что ли, у бедного вьетнамца весь прилавок с чулочно-носочными изделиями переворошила. Торгуется, а сама как будто говорит: «Вы, вьетнамцы, народ темный, отсталый, не понимаете, что русские – великая нация. А ну-ка цену сбавляй!».

Кто знает, может, в обнимку с китайцем или вьетнамцем придется от НАТО отмахиваться вот этими же колготками за четыре пятьдесят. Но тогда мы братьями будем.

А пока в одном из закоулков Тамбова наблюдается занятное явление: китайский рынок с русским базаром.

28 апреля 1999 года

Алексей Ишин

«ГРЯДУЩАЯ КУЛЬТУРА» – РУПОР ТАМБОВСКОГО ПРОЛЕТКУЛЬТА

(Опыт историко-литературного краеведения)

В 1917 году в России зародилось движение, распространившее свое влияние после Октябрьской революции за пределы нашей страны: появились литературно-художественные и культурно-просветительские организации, которые были объединены под общим названием - Пролеткульт (Пролетарская культура). Преимущественно это была организация творческих сил самодеятельных авторов, по профессии - рабочих, поэтому ведущей темой всех занимающихся в студиях Пролеткульта являлась тема рабочего труда.

После победы пролетариата в организациях, кружках и студиях Пролеткульта участвовали сотни и тысячи одаренных рабочих, которые тянулись к овладению мастерством в искусстве, писали стихи и картины, создавали музыкальные произведения.

Но эффективной деятельность Всероссийского Пролеткульта не была бы без издания центрального и региональных журналов, которые явились рупором идей и задач организации пролетарской культуры. Центральным печатным органом, объединявшим вокруг себя местные журналы, был журнал с одноименным названием – «Пролетарская культура». В Петрограде, например, выходил журнал «Грядущее», в Москве – «Горн», в Смоленске – «Труд и творчество», в Самаре – «Зарево заводов», в Орле – «Красное утро».

В Тамбове, как известно, выходило одно из ведущих и наиболее авторитетных печатных изданий Пролеткульта – журнал «Грядущая культура», на страницах которого печатались не только местные литераторы, но и крупнейшие деятели искусства. Так, в № 6-7 «Грядущей культуры» (1919) выступил со статьей «О пролетариате и Советской культурной работе» А.В. Луначарский, в которой, кстати, одну из основных целей Пролеткульта он видел в «распространении знакомства со всей областью «человеческой образованности» (1).

Сообщение о выходе первого номера журнала «Грядущая культура» неоднократно появлялось в газете «Известия Тамбовского Губисполкома»: «I ноября 1918 года выходит «Грядущая культура» –

ежемесячный журнал коллективного рабочего творчества в области литературы, науки и искусства, отражающий творческую жизнь пролетариата и пролетарских культурно-просветительских организаций. Журнал издается литературным коллективом Тамбовского губпролеткульта, все пролетарские писатели призываются принимать участие в журнале» (2).

Первый же номер журнала открывается статьей «Наша работа должна сломать все рамки индивидуализма в товариществе» (3). В ней была объявлена задача Пролеткульта, которая состояла в поддержке пролетарской власти «отчетливым пониманием и пропагандой задач социализма». Необходимо было также «облегчить рабочим массам возможность самостоятельно создавать новое великое дело». Под «новым делом», естественно, подразумевалось дело пролетариата вообще и, в частности, пролетарского творчества.

«Журнал «Грядущая культура» и литературная студия Пролеткульта, – вспоминал журналист и активный автор этого издания Семен Евгеньев, – в течение 1918-1920 гг. являлись средоточием местных и приезжих литераторов» (4).

В отличие от общего фона родовой принадлежности литературы Пролеткульта, в журнале «Грядущая культура» поэзия не доминирует над прозой, а как раз наоборот: литературное творчество Тамбовского Пролеткульта фиксирует преобладание прозаических произведений над поэтическими.

Совершенно справедливо, что поэзия Пролеткульта носила агитационно-пропагандистский политический характер, воспевала мощь и силу рабочего класса. Поэтому столь часто используется метафора металла. Пролетарские поэты – это «войны красного слова, грядущего солнца певцы» (В.Кириллов). Сердца их – «калые маки, а взоры – лазурные дали» (А.Поморский). Но поэты Пролеткульта слишком самоуверены и самонадеянны, они не признают никаких классических произведений искусства, памятников архитектуры. Александр Поморский прямо говорит, что

Не нужно нам ваших музеев,
Церквей, уходящих в выси.
Мы сами себе Прометеи,
Мы сами себя возвысим.

Как и во всех отделениях Всероссийского Пролеткульта, в Тамбове считалось, что не надо бояться разрушения Эрмитажа, Кремля, Третьяковской галереи. С поразительной легкостью мыслей Семен Клубень отмечал: «Можно и должно сжечь самые святейшие шедевры искусства «во имя Завтра», во имя «Светлого царства Грядущего» (5). А далее на страницах журнала продолжал, притворно сводя к нулю значимость бесценных исторических реликвий: «Когда старый Эрмитаж мирно дремлет на берегу Невы, никого не зазывая, никого не убеждая в великолепии своих гробниц, – когда Третьяковская галерея скромно затерялась в мещанском Замоскворечье, не говоря даже об их культурной ценности, просто не стоит тратить на них ни пуль, ни снарядов, ни динамита» (6).

Наибольший интерес представляет опубликованная в № 3 журнала «Грядущая культура» (январь, 1919 год) статья «С буржуазного Парнаса – в Пролеткульт», написанная С. Клубенем. В ней автор откровенно и бескомпромиссно отвергает всю русскую литературу, существовавшую до Октября 1917 года, что, впрочем, типично для пролеткультовцев. Вся эта, по его словам «буржуазная» литература, не имеет абсолютно никакого права печататься на страницах пролетарских изданий. Резкой критике С. Клубеня подверглось творчество Н. Клюева, С. Есенина, А. Ремизова, В. Иванова, В. Князева и даже Максима Горького, с которого и началось «покаянное паломничество» «с буржуазного Парнаса – в Пролеткульт». Анна Ахматова, представитель акмеизма, – это «вырожденка». В специальной сноске к статье по этому поводу говорилось: «Буржуазия с гордостью величила так последнее, наиболее утонченное и изощренное направление своей поэзии».

«Проникая на страницы наших журналов, – делает вывод Семен Клубень, – они, в большинстве случаев, стараются протащить за собой и свое упадочное, вырожденческое искусство, – падаль, которой там совсем не место» (7).

Не менее любопытно отношение пролеткультовцев к футуристам. Известно, что и те, и другие отвергали реалистическое искусство и пытались создать «новый» стиль, который должен был бы разрушить все традиции и приемы «старого» искусства. Это то немногое, что объединяло два совершенно разных в сущности своей литературных течений.

В № 4-5 журнала «Грядущая культура» Семен Клубень пишет: «Лозунги, выкинутые футуристами, весьма и весьма заманчивы. Это неоспоримо, этого мы отрицать не можем» (8). Но как раз именно с отрицания буржуазной культуры, с нападок на буржуазное искусство и начинается, по его глубокому убеждению, «дистанция огромного размера» между Пролеткультом и футуризмом. Выдвигая такие положения, деятели пролетарской литературы приходят в противоречие с самими собой, когда высказывание ли, мысль ли, поступок ли исключают друг друга. Утверждая, что в их отрицании есть сила, есть несомненное «революционное обаяние», пролеткультовцы говорят, что такое «обаяние» имеет место и в футуризме. Если назначение пролетарского искусства заключалось «в наибольшем количестве переживаний, возбуждающих энергию к коллективизму, к труду и жизни», то «в футуристических выкриках главную роль играет «поза» – денди из кафе второго разряда».

Пристрастие футуристов к «позе» объясняется Пролеткультом ничем иным, как притворством, неискренним поведением и рисовкой. Последователи же футуризма – это не кто иные, как «щеголи», «франты», то есть люди, любящие наряжать свое творчество, тем самым придавая, скажем, поэзии необычный внешний вид, форму. Однако внешняя оболочка футуристического искусства враждебна пролетариату, который не имел ничего общего с футуризмом за исключением «тактики пропаганды». Средства же и приемы для достижения намеченной цели были разными. Порой противоречивость мыслей пролеткультовцев доходила до нелепости и бессмыслицы. Поэтому теоретические тезисы общественно-литературной деятельности вполне оправданно можно назвать «программой абсурда». Так, совсем не шуточно в «Грядущей культуре» писалось о том, что основоположник футуризма Велимир Хлебников «следил за биржевой вакханалией, за взлетом и падением акций, очевидно, заинтересованный в празднике дивидендов» в то время, когда тысячи, миллионы пролетариев проливали кровь, переносили нечеловеческие страдания и умирали за интересы капитала» (9). Но не только отрицание культурных традиций объединяло футуристов с пролеткультовцами. Бунтарство и анархичность тоже выражали массовое настроение толпы и являлись общими чертами обоих литературных течений. И футуристы, и пролетарские поэты осуществляли попытку создания новой литературы, устремленной в будущее.

Когда в январе 1919 года в Петербурге создавался коллектив коммунистов-футуристов, в Тамбове «Грядущая культура» сообщала: «Футуристы, организуя Ком-Фут, даже и пиджаки не сменили, – просто напросто перекрасили свою желтую кофту в красный цвет» (10).

Футуризм, считалось в Тамбовском Пролеткульте, является искусством для избранных, а пролетарская литература есть творчество народных масс, фактически тоже своего рода избранных.

Интеллигенции, как класса общества, для последователей пролетарской культуры не существовало. Нам, гласила статья «Сущность интеллигенции», нужен образованный пролетарий, а не интеллигент. А «образованный рабочий» и «рабочий интеллигент» – это совершенно разные понятия. Первый – это рабочий с пролетарским мировоззрением, второй же – не рабочий, а только «работающий интеллигент», который в любой момент мог оказаться «лакействующим интеллигентом». Под рассуждением об интеллигенции подводится черта: интеллигенция – буржуазное понятие, оно должно исчезнуть вместе с буржуазным классом.

В журнале «Грядущая культура» постоянными были следующие разделы и рубрики: «Стихи», «Рассказы», «Статьи», «Критика и библиография», «Объявления». Преобладали на страницах журнала материалы первых трех рубрик и последней, рубрика «Критика и библиография» в профессиональном плане оставляла желать лучшего. Кроме уже названных авторов, в журнале печатались Рута Витковская и Дмитрий Кулаков (стихи), Рабочий Пороховик (он же Иван Гаврилов) и И. Фукс (статьи), а также другие творческие люди. Авторы критических статей публиковали свои материалы в «Грядущей культуре», как правило, либо под псевдонимами, либо сокращали свои фамилии и инициалы: Р., В.К-а, С-вен, Б.В. и т.д. Как такового, редактора у журнала не было. Хотя в отдельных источниках редакторами называются И. Гаврилов и М. Колосов. Однако в выходных данных журнала было обозначено: редакция – коллектив пролетарских писателей.

«Грядущая культура» первоначально задумывалась ежемесячным изданием. Но в силу материальных трудностей такой периодичности обычно не наблюдалось. Чаще всего журнал выходил в виде сдвоенных номеров. Всего увидело свет с ноября 1918 года по май 1919 года семь номеров журнала. Подготовленные к печати сдвоенные 8-9 но-

мера «Грядущей культуры» не были опубликованы «вследствие отсутствия бумаги».

Президиумом Тамбовского губсовнархоза в апреле 1919 года было постановлено объединить журнал «Грядущая культура» с журналом губнародобраза «Вестник просвещения» в одно издание объёмом не более 32 страниц. Это постановление было мотивировано «бумажным кризисом в губернии». Рассмотрев данное постановление губсовнархоза, губпролеткульт решил не объединять журналы, а сократить выпуск «Грядущей культуры» до одного раза в два месяца.

Губсовнархоз в свою очередь выработал план снабжения бумагой издающихся в городе газет и журналов, в котором «Грядущая культура» значилась последней, что фактически означало закрытие журнала.

Несмотря на кратковременное существование (всего лишь семь месяцев), журнал «Грядущая культура» сыграл значительную роль в деятельности не только Тамбовского губпролеткульта, но и в целом – Всероссийского Пролеткульта.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Луначарский А. О пролетариате и советской работе // «Грядущая культура». 1919. № 6-7. С. 19.
2. Культурное строительство в Тамбовской губернии. 1918-1928. Воронеж, 1983. С. 173.
3. Наша работа должна сломать все рамки индивидуализма в товариществе// «Грядущая культура». 1918. № 1. С. 17.
4. ЦДНИТО. Ф. 9019, оп. 1, д. 216, 99.
5. Клубень С. Пролеткульт и Ком-Фут // «Грядущая культура». 1919. № 4-5. С. 16
6. Там же.
7. Клубень С. С буржуазного Парнаса - в Пролеткульт // «Грядущая культура». 1919. № 4-5. С. 15.
8. Клубень С. Пролеткульт и Ком-Фут // «Грядущая культура». 1919. № 4-5. С. 15.
9. Там же. С. 16.
10. Там же. С. 17.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ		
<i>С. Бирюков</i>		4
«Обретение через преодоление»		5
<i>А. Шепелёв</i>		6
«те цветы...»		
«квартирант...»		
«я жду тебя на ж.д...»		
«У тебя на окне лук-бут в феврале...»		
«черные кошки...»		
«Крещение Родины»		
«Хочу»		
«намного солнце лучше...»		
<i>И. Сайганова</i>		10
«Обманет уют-предатель...»		
«Твой лик для меня, как икона...»		
«Завещание»		
<i>Е. Владимирова</i>		12
«Сновидения» (1-5)		
<i>О. Ловилина</i>		18
«Будить себя по ночам резким криком...»		
«Клавиши стонут под пальцами...»		
«Жду полнолуния...»		
<i>Е. Лукаинкина</i>		21
«Причитание»		
<i>С. Лёвин</i>		22
«Кошка»		
«Пальцы скрестились в последней дуэли...»		
«Крещение»		
«Прозрение»		
«Весна»		
«Скорбь»		
«Свидание»		
<i>М. Казанок</i>		28
«Город-призрак»		
«Я вложу тебе в руки камень...»		
«Состарился поэт...»		
<i>Е. Зайцева</i>		31
«Я - деревом стану...»		
«Усталость – измерение улыбки...»		

<i>A. Лапин</i>		32
«...это многополюсный мир...»		
«Сублимация теней»		
«Визуальное стихотворение (рисунок и текст)»		
«Лаская кольцо руку»		
«Бегущая линия...»		
ПРОЗА		37
<i>A. Коробков</i>		38
«Мастер иллюзий»		
«Сочинение»		
Без названия (миниатюра)		
<i>E. Зайцева</i>		42
«Вместе, или ключик от ноября»		
<i>Общество Зрелища</i>		45
«Наша страна»		
<i>C. Лёвин</i>		46
«Кладбище»		
ПУБЛИЦИСТИКА		49
<i>E. Владимирова</i>		50
«Мы из Аза»		
<i>C. Лёвин</i>		53
«Поколение POST»		
<i>A. Шепелёв</i>		55
«Общество Зрелища»		
<i>A. Самышкин</i>		56
«Китайский рынок с русским базаром»		
<i>A. Ишин</i>		60
«Грядущая культура – рупор Тамбовского Пролеткульта»		
(Опыт историко-литературного краеведения)		

Список иллюстраций:

- Фотография членов литературно-поэтической студии «А3».
А. Коробков. Автопортрет.
А. Меркулова. Душа поэта.
А. Меркулова. Карфаген должен быть разрушен.
С. Лёвин. Выход.
Л. Кобзева. Иллюстрация к рассказу С. Лёвина «Кладбище».
Л. Кобзева. Иллюстрация к стих. Е. Владимировой «Сновидения».
Л. Кобзева. Иллюстрация к стих. С. Лёвина «Прозрение».
Л. Кобзева. Иллюстрация к стих. С. Лёвина «Скорбь».
А. Лапин. Визуал и иллюстрация к нему.

Научное издание

Ветви

Студенческий литературно-публицистический альманах

Выпуск I

Составители:
А. С. Щербак;
Сергей Левин.

Компьютерная верстка Н. В. Поповой

Лицензия ЛР № 021013 от 27.10.95 г.

Подписано в печать 23.06.2000 г. Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 3,95. Уч.-изд. л. 4,25.
Тираж 129 экз. Заказ 1719.
Цена 41 р. 65 к.

Издательство
Тамбовского государственного университета имени Г.Р.Державина
392008, г.Тамбов, ул.Советская, 181 а.